

На правах рукописи

Блохина

Блохина Яна Алексеевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СИЛА VS СЛАБОСТЬ»
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре «Английский язык» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пензенский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Дубровская Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой английской филологии
ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина»
Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
Образовательной организации высшего
образования (частное учреждение)
«Международная академия бизнеса и новых
технологий (МУБиНТ)»
Степанов Валентин Николаевич

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)»

Защита состоится 27 ноября 2019 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 850.007.08 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филол. наук, доцент

Э.В. Нерсесова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Отношения оппозиции в языке изучались на разных этапах развития лингвистической мысли. Интерес лингвистов к отношениям оппозиции объясняется тем, что ее изучение позволяет выявить системные отношения в языке, определить принципы взаимосвязи между единицами плана содержания и плана выражения. В последние десятилетия оппозиции исследуются не только как отношения, характеризующие языковую систему, но и как явление, присущее речи, дискурсивным практикам. В настоящей диссертации оппозиция рассматривается в контексте внешнеполитического дискурса.

Внешнеполитический дискурс представляется феноменом, достаточно хорошо изученным в рамках лингвистических исследований [Терентий 2010; Кожетева 2012; Шаповалова 2013; Иохим 2014; Дубровская 2016]. Данный тип дискурса изучается с точки зрения состава коммуникантов, типичных жанровых форм, концептов и конкретных языковых средств. Однако внешнеполитические дискурсивные практики остаются неисследованными на предмет конструирования в них семантических оппозиций, в частности, семантической оппозиции «сила vs слабость». До настоящего момента особенности функционирования данной оппозиции во внешнеполитическом дискурсе не рассматривались и подобного исследования не проводилось.

Актуальность работы обусловлена как социальными, так и собственно лингвистическими факторами. В политических практиках, как внутриполитических, так и внешнеполитических, государственные деятели часто указывают на силу государства, в связи с чем важным представляется понимание сущности феномена «сила». Актуальность исследования с точки зрения социальных факторов определяется и тем, что дискурс-анализ, по мнению исследователей внешнеполитического дискурса, позволяет вскрыть семиотические возможности языка в конструировании внешнеполитической реальности [Иохим 2014, с. 1140]. В связи с этим исследование внешнеполитического дискурса дает ключ к пониманию политических процессов, происходящих в международном сообществе. С другой стороны, актуальность настоящего исследования определяется лингвистическими факторами, поскольку оно вписывается в современную – функциональную – парадигму изучения языка, в рамках которой язык рассматривается как инструмент, предназначенный для выполнения различных социальных функций. Исследование оппозиции сильного и слабого во внешнеполитическом дискурсе, ориентированном на борьбу за власть на международной арене и защиту национальных интересов, способствует решению такой задачи, как выявление языковых и речевых особенностей дискурсивного конструирования отношений между социальными акторами.

Степень разработанности проблемы. Вопрос лингвистических оппозиций издавна находится в поле внимания многих языковедов [Трубецкой 1960; Бондарко 1981; Новиков 1982; Mettinger 1994; Боева 2001; Рублёва 2004; Fong 2004]. Подходы, представленные в данных работах, являются устоявшимися в науке о языке, однако в настоящее время ученые предпринимают попытки по-новому взглянуть на категорию оппозиции и раскрыть ее роль в функциональном аспекте. В современной

политической лингвистике существуют многочисленные исследования, в рамках которых ученые выделяют и рассматривают ключевые оппозиции, конструируемые в политическом или внешнеполитическом контексте. Основной и наиболее изученной оппозицией является оппозиция «мы vs они» [Алиева 2010; Кишина 2011; Приходько 2011; Brokensha 2011; Sowińska, Dubrovskaya 2012; Банман 2013; Wirth-Coliba 2016 и др.]. Другая изученная оппозиция в политическом дискурсе – оппозиция «народ vs власть» [Невинская 2006; Дубровская, Данкова 2014; Сурикова 2017]. Наряду с названными оппозициями Т.В. Дубровская отмечает существование еще одной значимой оппозиции – оппозиции «сила vs слабость» – и предлагает семантико-прагматический подход к ее изучению [Дубровская 2016; Dubrovskaya, Sowińska 2018], направленный на выявление смысловых компонентов в рамках актуализации членов оппозиции «сила» и «слабость» на основании различных признаков субъекта внешнеполитических отношений.

Будучи недостаточно исследованным феноменом, оппозиция «сила vs слабость» изучается в лингвокультурологии и фразеологии. Так, О.В. Назина [Назина 2010] и М.А. Шаманская [Шаманская 2012] рассматривают данную оппозицию в немецкой лингвокультуре в гендерном аспекте. В работе А.А. Савельевой семантическая оппозиция «сила – слабость» исследуется с точки зрения ее актуализации фразеологическими единицами в российских печатных СМИ [Савельева 2011]. В рамках настоящего исследования мы берем за основу существующие достижения и далее разрабатываем структуру членов оппозиции «сила» и «слабость», а также определяем функциональную роль семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Цель исследования – определить, каким образом конструируются семантические отношения оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе, в частности, установить функциональный потенциал семантической оппозиции «сила vs слабость» и способы её языковой реализации. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1) теоретически обобщить выводы отечественных и зарубежных исследований, посвященных характеристикам внешнеполитического дискурса и основным направлениям его исследования, а также аналитически систематизировать существующие работы по оппозициям в языке и дискурсе, в том числе в дискурсе политическом и внешнеполитическом;

2) составить корпус текстов российского и американского внешнеполитического дискурса;

3) выявить семантическую структуру члена оппозиции «сила» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе и определить языковые средства, реализующие его компоненты;

4) выявить семантическую структуру члена оппозиции «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе и определить языковые средства, реализующие его компоненты;

5) установить соотношение между семантической оппозицией «сила vs слабость», с одной стороны, и оппозицией между социальными акторами, с другой стороны;

б) установить функции семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Объектом диссертационного исследования является семантическая оппозиция «сила vs слабость», конструируемая во внешнеполитическом дискурсе.

Предмет настоящего исследования – языковые и прагматические характеристики членов данной оппозиции, а также ее функциональная роль во внешнеполитическом дискурсе.

Материал исследования включает тексты выступлений официальных представителей внешнеполитических ведомств России и США: Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, заместителя Министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова и официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой, а также бывшего государственного секретаря США Дж.Ф. Керри, первого заместителя госсекретаря США Дж. Салливана и официального представителя государственного департамента США Х. Нойерт. Для изучения отобраны устные публичные жанры: выступления, ответы на вопросы СМИ, пресс-конференции, интервью, заявления для прессы и комментарии. Корпус текстов охватывает период с 2014 года по 2017 год включительно. В качестве источника материалов были использованы официальные сайты Министерства иностранных дел Российской Федерации (www.mid.ru) и государственного департамента США (www.state.gov). Из всего представленного на сайтах МИД РФ и госдепартамента США материала методом сплошной выборки по ключевым словам «Россия/Russia» и «США/USA» были отобраны выступления, в которых предметом обсуждения являются российско-американские отношения. В сумме были проанализированы 45 российских выступлений и 45 американских выступлений. Общий объем материала составил около 250 тысяч словоупотреблений.

Гипотеза исследования состоит в том, что «сила» и «слабость» образуют базовую оппозицию внешнеполитического дискурса, которая актуализируется посредством специфических языковых средств и имеет функциональную ценность, поскольку конструирует отношения между субъектами внешнеполитических отношений. Предполагаем также, что члены семантической оппозиции «сила» и «слабость» неравноценны с точки зрения смыслового содержания и прагматической ценности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие таких разделов лингвистики, как теория дискурса, семантика, политическая лингвистика, прагмалингвистика и социолингвистика. В ходе проведенного исследования были достигнуты следующие результаты:

- разработана авторская методика для выявления конституирующих компонентов членов оппозиции «сила» и «слабость»;

- выявлены три группы компонентов в структуре «силы» и «слабости» (семантические компоненты, выводимые из словарных значений, семантические компоненты, подлежащие процессу инференции, и оценочные семантические компоненты), а также определены языковые средства актуализации выделенных компонентов;

- установлена взаимосвязь между членами оппозиции «сила», «слабость» и конфигурацией внешнеполитических акторов.

В диссертации предложено определение внешнеполитического дискурса как вербально-знакового выражения процесса коммуникации в сфере внешней политики государств, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью разработки методических рекомендаций по коммуникации в сфере внешней политики для государственных деятелей, специализирующихся на международных отношениях, а также для студентов, обучающихся на факультете международных отношений, студентов-филологов и студентов-журналистов в академических целях. Собранный корпус текстов внешнеполитических выступлений на русском и английском языках может быть использован при обучении профессиональному переводу в сфере международных коммуникаций. Настоящее исследование может оказаться полезным с прикладной точки зрения для спичрайтеров – составителей текстов выступлений для высокопоставленных лиц государства, политиков, общественных деятелей или бизнесменов.

Теоретической базой для проведения настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные дискурсу и критическому дискурс-анализу (Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, В.Е. Чернявская, В.Г. Борботько, Т.В. Дубровская, П. Шародо, Т.А. ван Дейк, П. Серио, Н. Фэрклоф, Р. Водак, Т. ван Лёвен и др.), политическому дискурсу (Е.И. Шейгал, В.З. Демьянков, А.П. Чудинов), внешнеполитическому дискурсу (Л.М. Терентий, А.С. Кожетева, В.Н. Яппарова, Т.А. Волкова, М.В. Беляков, Т.В. Шаповалова, А.Н. Иохим, Т.В. Дубровская, Н.С. Рядовая, Е.С. Белов, Е.Б. Матыгина, О.А. Вдовина, Е.В. Терехова и др.), языковым оппозициям (Н.С. Трубецкой, А.В. Бондарко, Н.Б. Боева, Ж.П. Кантино, О.Л. Рублева, Л.А. Новиков, А. Mettinger, E.S. Gjergo, S. Delija и др.), речевым оппозициям (К.В. Гудкова, А.В. Кулешова, М. Davies, L. Jeffries), оппозициям в политическом дискурсе, в частности оппозиции «свой vs чужой» (Е.В. Кишина, С.А. Приходько, Т.В. Алиева, Е.А. Баженова, И.В. Мальцева, Т.В. Дубровская и др.), оппозиции «народ vs власть» (М.Д. Невинская, Т.В. Дубровская, Н.С. Данкова), а также оппозиции «сила vs слабость» в языке и дискурсе (А.А. Савельева, О.В. Назина, М.А. Шаманская, Т.В. Дубровская).

Научная новизна представленного исследования состоит в том, оппозиция «сила vs слабость» рассмотрена как одна из базовых оппозиций внешнеполитического дискурса. Впервые в отечественных и зарубежных исследованиях предложена многоаспектная концепция оппозиции «сила vs слабость», в которой выявлена структура членов оппозиции «сила» и «слабость» в российском и американском внешнеполитическом дискурсе, определены языковые средства, выражающие компоненты рассматриваемых членов оппозиции, а также выделены функции оппозиции во внешнеполитических дискурсивных практиках. Такая концепция интегрирует лингвистические и прагматические аспекты внешнеполитического дискурса на основе изучения семантических отношений оппозиции в языке и речи. Построение многоаспектной концепции семантической оппозиции «сила vs слабость» стало возможным благодаря разработке и применению авторской методики анализа

семантической структуры членов оппозиции «сила» и «слабость». Никогда ранее не применялся методологический подход с рассмотрением семантической структуры членов, образующих оппозицию. Новизна исследования состоит также в доказанном утверждении, что отношения оппозиции актуализируются в дискурсе. Кроме того, при выполнении диссертационного исследования был собран обширный материал русского и американского внешнеполитического дискурса, часть которого в объеме 154 тысяч словоупотреблений зарегистрирована как результат интеллектуальной деятельности (РИД) (регистрационный номер АААА-Г17-617111540005-5, приложение А). Таким образом, в научный оборот введен новый языковой материал, который может быть использован для дальнейших исследований внешнеполитического дискурса.

Методология исследования основана на критическом анализе дискурса, направленном на изучение языковых явлений в совокупности с социально-историческими условиями производства дискурса. В ходе исследования были применены общенаучные методы, такие как наблюдение, описание, интерпретация и обобщение. В диссертации используются также методики семантического исследования: контекстуальный анализ, дефиниционный анализ.

Семантическая оппозиция «сила vs слабость» рассматривается путем обращения к дискурсу двух принципиально важных внешнеполитических акторов: России и США. Суть данного обращения заключается в том, что оппозиция изучается в прагматическом контексте, во внешнеполитических дискурсивных практиках, которые вовлекают более чем одно государство. Только с привлечением дискурса по меньшей мере двух политических акторов становится возможным исследование данной оппозиции. Этим фактором обусловлено привлечение материала двух языков (русского и английского), посредством которых осуществляется конструирование изученной оппозиции.

В исследовании мы реализуем семантико-прагматический подход к оппозиции «сила vs слабость» и выявляем конституирующие семантические компоненты членов оппозиции. Методика анализа включает следующие шаги. Были рассмотрены словарные дефиниции лексических единиц «сила/strength» и «слабость/weakness» в русском и английском языках. Далее был изучен собранный корпус текстов русского и американского внешнеполитического дискурса, посредством наблюдения, интерпретации и обобщения в нём были выделены семантические компоненты члена оппозиции «сила», конструирующие саморепрезентации России и США и репрезентации актора-оппонента. Актором-оппонентом для России является США, и наоборот, актором-оппонентом для США выступает Россия. Выявленные компоненты были соотнесены со словарными значениями лексем «сила/strength» и исследованы на предмет содержания оценочных коннотаций. Далее они были расклассифицированы на три группы в зависимости от выводимости или невыводимости семантического компонента из словарных дефиниций и с точки зрения отсутствия или наличия оценочного смысла: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты. Параллельно осуществлялся анализ языковых средств выражения этих компонентов. Далее были

выявлены семантические компоненты члена оппозиции «слабость», конструирующие саморепрезентации политического актора, а также репрезентации актора-оппонента и других политических акторов. Выделенные компоненты были расклассифицированы на группы по вышеописанному алгоритму и также рассмотрены с точки зрения их языкового воплощения. Наконец, установлены особенности конструирования отношений между членами исследуемой оппозиции и отношений между социальными акторами. Интерпретация материала с точки зрения коммуникативных целей говорящих позволила определить основные функции семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе.

Поскольку в настоящем исследовании мы имеем дело не с лексическими единицами, закрепленными в системе языка, а обращаемся к единицам, формируемым в дискурсе, мы считаем оправданным использование русскоязычных наименований «сила» и «слабость» для обозначения членов оппозиции «сила vs слабость» при проведении анализа внешнеполитического дискурса как на русском, так и на английском языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» является базовой оппозицией внешнеполитического дискурса.

2. Семантическая оппозиция в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического, так и прагматического. Смыслы, конструируемые в рамках оппозиции, не выводятся исключительно из словарных значений лексических единиц, имеющих семантику силы и слабости, а создаются всей совокупностью языковых единиц в лингвистическом и прагматическом контекстах.

3. Структура членов оппозиции «сила» и «слабость» включает в себя: 1) семантические компоненты, выводимые из словарных значений соответствующих лексических единиц в русском и английском языках; 2) семантические компоненты, подлежащие процессу инференции; 3) оценочные семантические компоненты, придающие членам оппозиции аксиологическую нагрузку. При этом все семантические компоненты актуализируются лексическими и грамматическими средствами языка, посредством стилистических фигур речи, а также на уровне логической организации текста.

4. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» характеризуется асимметричностью, поскольку «сила» отличается более сложным компонентным составом и более широким набором языковых средств выражения, чем «слабость». Сила оказывается более востребованной во внешнеполитическом дискурсе, тогда как слабость играет вспомогательную роль. Слабость чаще всего отмечается как качество третьего актора и способствует конструированию России и США как сильных политических акторов на фоне слабых.

5. Семантические компоненты, выделяемые в составе членов оппозиции «сила» и «слабость» в репрезентациях России и США в российском и американском материале, и языковые средства, реализующие эти компоненты, обнаруживают значительный параллелизм, что свидетельствует о существовании универсальных

принципов построения внешнеполитического дискурса и доминировании в нем институциональных принципов и целей, а не лингвокультурной специфики.

6. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» выполняет во внешнеполитическом дискурсе следующие функции: функцию ориентации во внешнеполитической реальности, функцию интеграции и дифференциации политических акторов, функцию легитимизации применения силы.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на всероссийских конференциях и семинарах: на научной конференции «Педагогический институт им В.Г. Белинского: традиции и инновации» (Пенза, ПГУ, 16-17 декабря 2014 года), на III Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 13-14 мая 2015 года), на межкафедральном научном семинаре (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 20 июня 2015 года), на III Международной молодежной научно-практической конференции (г. Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 22-23 апреля 2016 года), на IV Международной молодежной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» (г. Пенза, Пензенский государственный университет, 11-13 октября 2016 года), на Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки» (г. Екатеринбург, 15 декабря 2016 года), на Международной научной конференции XV Виноградовские Чтения «Текст, контекст, интертекст» (г. Москва, Московский городской педагогический университет, 5-7 марта 2018 года). Часть работы проводилась в рамках научного проекта «Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации», поддержанного грантом РГНФ (проект №15-34-14001), под руководством д.ф.н. Т.В. Дубровской.

Содержание диссертации отражено в 12 публикациях, в том числе в 4 статьях в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК, а также в одной главе коллективной монографии.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта научных специальностей. Исследование выполнено по специальности 10.02.19 – Теория языка. Тема диссертации соответствует п. 6 Семантика (Широкая концепция семантики как науки, изучающей смысл языковых выражений в конкретных условиях их употребления. Смысл высказывания, как вся та информация, которую вкладывает в него говорящий и которую должен извлечь из него адресат. Буквальный смысл высказывания и его актуальный смысл в данной ситуации общения), п. 7 Дискурс (Понятие дискурса. Дискурсивный анализ как раздел лингвистики. Дискурс как объект междисциплинарного изучения. Роль дискурсивных факторов на всех уровнях языка. Порождение vs. понимание) и п. 12 Социолингвистика (Язык и идеология).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы, списка материалов исследования и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлена степень разработанности проблемы, обозначены цель и задачи, описан материал исследования, описана методология его анализа, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В главе 1 **«Теоретические основы изучения внешнеполитического дискурса»** представлен обзор научной литературы, в которой исследуется внешнеполитический дискурс, а также рассматриваются оппозиции в языке и дискурсе, в том числе в дискурсе политическом и внешнеполитическом.

В первом разделе главы 1 **«Дискурс как инструмент власти»** приведены основные положения теории дискурса и критического дискурс-анализа, на которых базируется диссертационное исследование. Отмечается, что одним из важнейших свойств дискурса является его социальная значимость: при анализе дискурса в центре внимания находятся социальные практики и социальные эффекты дискурса. При таком подходе дискурсивный анализ ориентирован на изучение общественных процессов, и, прежде всего, процесса воспроизводства и распределения власти, а также злоупотребления ею в обществе.

Второй раздел главы 1 **«Основные направления исследования внешнеполитического дискурса»** содержит обзор существующих исследований внешнеполитического дискурса с точки зрения различных прагмалингвистических категорий. Рассмотрены понятия политического дискурса и внешнеполитического дискурса, а также их принципиальные сходства и различия. Предложено понимание внешнеполитического дискурса как разновидности дискурса политического, и представлено его определение.

В подразделе **«Функции и коммуниканты внешнеполитического дискурса»** обозначены основные функции внешнеполитического дискурса: борьба социального актора (государства) за власть и защита национальных интересов в условиях межгосударственного взаимодействия. Кроме того, определены основные участники внешнеполитической коммуникации.

В подразделе **«Концепты внешнеполитического дискурса»** рассмотрены основные концепты, реализуемые в политическом и внешнеполитическом дискурсе как в рамках оппозиции, так и вне ее («мы» и «они», «истина» и «ложь», «власть», «многополярность», «вызов», «давление» и др.).

Подраздел **«Прагмалингвистические средства внешнеполитического дискурса: жанры, стратегии и языковые средства»** освещает ряд подходов в исследовании внешнеполитического дискурса с точки зрения его жанровых особенностей, реализуемых стратегий и тактик, коммуникативных категорий и конкретных языковых средств.

В подразделе **«Репрезентации социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе»** представлены методологические подходы, которые способствуют выявлению разных аспектов репрезентаций социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе.

В третьем разделе главы 1 **«Оппозиции в дискурсе»** раскрывается понятие оппозиции в языке и речи, освещаются подходы к её изучению и рассматриваются ключевые оппозиции, конструируемые в политических и внешнеполитических дискурсивных практиках.

В подразделе **«Оппозиция и подходы к ее изучению»** отмечается, что оппозиция может рассматриваться как единица, закрепленная в системе языка (языковая оппозиция), и ее изучение возможно в рамках лексико-семантического и когнитивного подходов. Кроме того, оппозиция может конструироваться средствами языка в тексте и дискурсе для достижения прагматической цели (речевая оппозиция), и в этом случае к ее изучению могут применяться прагматический и семантико-прагматический подходы. Последний предполагает исследование оппозиции не на уровне языка, а на уровне конкретных дискурсивных практик, что позволяет анализировать семантику различных единиц на основе толкования текстов в их социально-прагматическом контексте¹. Данный подход применяется в рамках настоящего исследования.

В подразделе **«Оппозиции в политическом дискурсе»** отмечены ключевые оппозиции, реализуемые в контексте политической и внешнеполитической коммуникации: «мы vs они», «народ vs власть». В качестве базовой оппозиции внешнеполитического дискурса отмечается оппозиция «сила vs слабость», и объясняются причины выделения ее в качестве таковой.

В четвертом разделе первой главы **«Методология исследования семантической оппозиции “сила vs слабость” во внешнеполитическом дискурсе»** описываются основные методы и методики анализа, применяемые при изучении семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе. Настоящее исследование проводилось посредством качественного анализа дискурса, который направлен на конкретные фрагменты дискурса и их детальное рассмотрение и интерпретацию. Важной категорией анализа является социальный актор, который понимается как участник социальных практик². В данном разделе представлено развитие понятия семантической оппозиции применительно к дискурсивным исследованиям. **Семантическая оппозиция** в дискурсе – это системное и семантически существенное противопоставление ее членов, конструируемое с помощью языковых средств и контекста, как лингвистического и прагматического. Кроме того, в этом разделе предложена методика анализа структуры членов оппозиции, ориентированная на выделение трех групп семантических компонентов: 1) выводимых из словарных значений лексем «сила/strength» и лексем «слабость/weakness», 2) подлежащих процессу инференции и 3) оценочных компонентов.

¹ Дубровская Т.В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 23 – 44.

² Leeuwen van T. Discourse and Practice. New tools for critical discourse analysis. – N.Y.: Oxford University Press, 2008. – 172 p.

В главе 2 «Структура членов семантической оппозиции “сила vs слабость” в российском и американском внешнеполитическом дискурсе» выявлена структура членов оппозиции «сила» и «слабость», включающая в себя три группы компонентов. Определены языковые средства актуализации данных компонентов.

В первом разделе главы 2 «Семантика лексических единиц “сила/strength” и “слабость/weakness” в русском и английском языках» приведены словарные значения лексем «сила/strength» и «слабость/weakness» в русском и английском языках и отмечены те значения, которые являются актуальными в рамках настоящего исследования.

Во втором разделе главы 2 «Семантические компоненты “силы” и языковые средства их выражения» выделены семантические компоненты члена оппозиции «сила», конструирующие репрезентации России и США, и представлены языковые средства их реализации. В подразделе «“Сила” в саморепрезентациях России» выявлены компоненты активность, моральная способность идти к цели, большие размеры, способность решать сложные проблемы. Они принадлежат к первой группе и актуализируются посредством синонимов к лексеме «сильный», лексики с семантикой активных действий, временной непрерывности, глаголов в форме настоящего и прошедшего времени в действительном залоге, прилагательных в сравнительной и превосходной степени, отрицательных конструкций. В следующих примерах семантический компонент **активность** конструируется посредством глаголов в форме настоящего времени в действительном залоге (*проводит, способствует, участвует*), которые приписывают России роль семантического Агенса³. Репрезентация активной позиции РФ реализуется эксплицитно в том числе посредством прилагательного *активная*, а также подчеркивается при помощи его превосходной степени (*активнейшим образом*):

В этой ситуации Россия проводит активную линию, всемерно способствует формированию позитивной, сбалансированной, объединительной международной повестки дня. (Лавров, 11.04.2014)

Россия и там [Астанинский процесс] активнейшим образом участвует ... (Рябков, 03.07.2017)

Процессу инференции подлежат компоненты: наличие союзников, ядерный, энергетический потенциал, способность к кооперации, трудоспособность, самостоятельность и независимые взгляды, оказание помощи, руководство другими акторами, контроль действий других акторов, ненавязывание своей позиции, следование нормам международного права. Их актуализация происходит путем использования военной лексики, лексики с семантикой непоколебимости и устойчивости, лексических повторов, политических штампов и клише, прилагательных в сравнительной и превосходной степени, глаголов совершенного вида, сравнительных конструкций, риторических вопросов, эпитетов. В следующем примере семантический компонент **наличие союзников** конструируется благодаря

³ Fillmore C. J. The Case for Case // Universals in linguistic theory / ed. by E. Bach and R. T. Harms. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P.1 – 88

использованию лексем *большинство, очень много, союзники, партнеры*, а также многократному повторению лексики *друзья*, значение которой усиливается за счет эпитетов *ближайшие, проверенные временем, теплые, тесные*, обладающих положительными коннотациями. Данные языковые средства указывают на наличие в данном фрагменте имплицитной информации, которая извлекается благодаря привлечению фоновых знаний об эволюционном подходе, обосновывающем необходимость силы и объединения в группы для выживания в окружающей среде. Так, в качестве инферентного вывода может рассматриваться вывод о том, что наличие союзников свидетельствует о силе России:

Что касается отношения к нам в мире, то у нас очень много друзей. Я бы сказал, что большинство стран мира – наши друзья. Сегодня мы уже говорили про таких проверенных временем друзей, как Куба. На латиноамериканском континенте у нас тёплые и тесные отношения с подавляющим большинством государств и их различными многосторонними региональными структурами. Конечно же, наши ближайшие друзья – это союзники по ОДКБ и партнёры по создаваемому и уже вступающему в действие с 1 января 2015 г. Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). (Лавров, 25.12.2014)

Оценочные компоненты не добавляют принципиально новых смыслов к содержанию члена оппозиции, а придают ему определенную аксиологическую направленность. Данные компоненты включают стабильность и устойчивость, созидание, обеспечение безопасности, миролюбие, невраждебное поведение, честность и ответственность и реализуются посредством лексики с семантикой единения, с семантикой положительной оценки, глаголов в форме прошедшего времени, прилагательных в сравнительной и превосходной степени, отрицательных конструкций. В следующем примере можно выделить оценочный компонент **невраждебное поведение**, который вербализуется при помощи отрицательной синтаксической конструкции (*войны не хотела*), глаголов с семантикой активных действий в прошедшем времени (*стремилась удержать, выступала*) в совокупности с положительно-оценочной лексикой (*крепкие и доверительные отношения, мирное и бескровное решение*). Таким образом, данный компонент придает силе актора положительный аксиологический заряд:

Россия не хотела войны и стремилась удержать другие державы от рокового шага. Тогда, как и сегодня, наша страна выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами, мирное и бескровное решение конфликтов. (Лавров, 06.11.2014)

В подразделе «**“Сила” в саморепрезентациях США**» выделены компоненты активность, способность решать проблемы, которые принадлежат к первой группе и реализуются посредством лексики с семантикой активных действий и способности, глаголов в форме настоящего времени в действительном залоге, глаголов в перфектной форме, прилагательных в превосходной степени, отрицательных конструкций. Ко второй группе отнесены: наличие союзников, способность к кооперации, военный, энергетический, экономический, научно-технический потенциал, трудоспособность, оказание помощи, следование нормам международного права, лидерство и доминирование, оказание давления. Данные компоненты

вербализуются при помощи военной лексики, технических терминов, терминов энергетической сферы, лексики с семантикой единения, способности, помощи, управления, усилительных конструкций, прилагательных в сравнительной и превосходной степени, глаголов в перфектной форме, синтаксических повторов, сравнительных конструкций, придаточных условия. В следующем примере семантический компонент **способность к кооперации** конструируется при помощи лексики с семантикой единения (*together, partnership*), а также глагола в перфектной форме (*have worked*), который выражает продолжительность сотрудничества США и Германии. Отмечено использование конструкции *would rather*, обозначающей в данном фрагменте речи американского дипломата предпочтение сотрудничать с актором-оппонентом Россией для решения сложных проблем (*to deal with the problems*). Таким образом, в качестве инферентного вывода может рассматриваться вывод о том, что способность к кооперации – это индикатор силы актора:

And that is why we have worked together with Germany very closely <...>. We are grateful for their strong leadership and their partnership, as I said, and we hope that Russia, with whom we do not seek conflict, with whom we would much rather be working together to deal with the problems of the world. (Kerry, 22.10.2014)

В группу оценочных компонентов включены миролюбие, невраждебное поведение, обеспечение безопасности и процветания, которые выражаются при помощи лексики с семантикой положительной оценки, глаголов в перфектной форме, отрицательных конструкций.

В подразделе «**“Сила” в репрезентациях США в российском внешнеполитическом дискурсе**» выявлены компоненты активность, влияние, насилие, принадлежащие к первой группе и реализуемые благодаря использованию военной лексики, лексики с семантикой беспорядка, агрессивных действий, важности, глаголов в форме настоящего времени в действительном залоге, прилагательных и наречий в форме сравнительной и превосходной степени. В следующем примере семантический компонент **насилие**, соотносимый со словарным значением лексемы силы, актуализируется посредством словосочетания с прилагательным в превосходной степени (*сильнейшие удары*), а также предлогов *в, на, против*, которые в данном контексте приобретают значение направления физического воздействия. Отмечено и использование военной лексики (*бомбардировки, вторжение, нападение*) с семантикой агрессивных действий, а также лексики с семантикой беспорядка, которая несет в себе отрицательные коннотации (*провал, хаос, нестабильность*):

Нанесены сильнейшие удары по устойчивости международной системы: натовские бомбардировки Югославии, вторжение в Ирак, нападение на Ливию, провал в Афганистане. Только благодаря интенсивным дипломатическим усилиям была предотвращена агрессия против Сирии в 2013 году. Невольно возникает ощущение, что целью различных «цветных революций» и прочих проектов смены неугодных режимов является провоцирование хаоса и нестабильности. (Лавров, 27.09.2014)

Вторая группа компонентов включает военный потенциал, наличие пропагандистского аппарата, оказание давления, лидерство и доминирование,

игнорирование норм международного права, которые выражаются при помощи лексики с семантикой увеличения, принуждения, разрушения, каузативных глаголов, модальных глаголов со значением долженствования, придаточных цели, аллюзий. В приведенном примере семантический компонент **наличие пропагандистского аппарата** реализуется эксплицитно через использование словосочетания *пропагандистская мощь*. Выделим также каузативные глаголы (*извратить*, *оболгать*), обозначающие воздействие на актора с целью изменения его состояния. Представленные глаголы конструируют США как сильного политического актора, мощь которого проявляется в разворачивании информационной войны против России. Каузативный глагол *убивать* репрезентирует способность США использовать военную силу в отношении ряда государств. Глаголы *извратить*, *оболгать*, *убивать* обладают отрицательными коннотациями, в связи с чем семантика силы США приобретает отрицательный аксиологический статус:

Американская пропагандистская мощь все это время направлена на то, чтобы извратить картину происходящего на Украине оболгать Российскую Федерацию и убивать тех, кто протестует против незаконных действий властей, пытающихся запретить русский язык, назвать всех русских и русскоязычных врагами ... (Лавров, 25.04.2014)

Третья группа содержит компоненты разрушения, жертвы, реализуемые благодаря использованию лексики с семантикой разрушения, с семантикой отрицательной оценки, прилагательных в превосходной степени, глаголов в форме прошедшего времени.

В подразделе «**“Сила” в репрезентациях России в американском внешнеполитическом дискурсе**» выделены компоненты активность, влияние на других, насилие, которые относятся в первой группе и вербализуются посредством лексики с семантикой активных действий, влияния, военной лексики, временной формы Present Progressive, синтаксических повторов. Процессу инференции подлежат компоненты военный потенциал, игнорирование норм международного права, энергетический потенциал, оказание помощи, актуализируемые при помощи военной лексики, лексики с семантикой помощи, усилительных наречий, глаголов в перфектной форме, двойного отрицания, придаточных условия, эпитетов. В представленном примере использование военной лексики способствует конструированию России как государства, обладающего огромным военным потенциалом, что свидетельствует в свою очередь о силе политического актора. При этом данная сила представлена как сила деструктивная, поскольку направлена на причинение ущерба другому государству. РФ конструируется как агрессивно настроенный актор, разворачивающий активную военную деятельность и использующий свои военные ресурсы на территории Украины. Семантика силы усиливается посредством использования глагола в перфектной форме (*has funneled*), обозначающей уже завершённые акты военного вмешательства России во внутренние дела Украины:

In fact, since the September 5th Minsk ceasefire agreement, Russia has funneled several hundred pieces of military equipment and material – including tanks, armored

personnel carriers, and heavy artillery pieces – directly to pro-Russian separatists in Ukraine. (Kerry, 02.12.2014)

Оценочные компоненты включают разрушения, жертвы, выражаемые путем использования лексики с семантикой разрушения и смерти, с семантикой отрицательной оценки. Так, в следующем примере проводимая РФ политика и ее последствия репрезентируется как деструктивные, разрушительные, дестабилизирующие обстановку посредством синонимического ряда лексических единиц с семантикой разрушения и смерти (*death, devastation, destruction*), которая по умолчанию несет отрицательные коннотации, и сила актора получает отрицательный аксиологический статус:

Russia came in, helped bolster up Syrian forces, and we have seen the death, the devastation, the destruction that has taken place ever since. (Nauert, 27.06.2017)

В третьем разделе главы 2 «**Семантические компоненты “слабости” и языковые средства их выражения**» выделены группы семантических компонентов члена оппозиции «слабость», конструирующие репрезентации России, США и других политических акторов, и приведены языковые средства их реализации. Компоненты члена оппозиции «слабость» рассматриваются с точки зрения отсутствия во внешнеполитических дискурсивных практиках соответствующих семантических компонентов члена оппозиции «сила». В подразделе «**“Слабость” в саморепрезентациях внешнеполитических акторов**» отмечается, что американский материал не характеризуется конструированием слабости как качества, приписываемого США. В российском материале выявлены единичные случаи актуализации данного члена оппозиции. Речь идет о таких контекстах, в которых указывается на необходимость кооперации между политическими акторами для решения совместных проблем и обращения к вызовам современной внешнеполитической ситуации.

В подразделе «**“Слабость” в репрезентациях США и других акторов в российском внешнеполитическом дискурсе**» выделены компоненты недостаток политической воли, недостаточная твердость и устойчивость, которые принадлежат к первой группе и выражаются посредством лексики с семантикой неустойчивости, антонимов к лексеме «сила», фразеологизмов. Так, в представленном комментарии об обвинении России во вмешательстве в американскую предвыборную кампанию США семантический компонент **недостаток политической воли**, соотносимый со значением лексемы «слабость», конструируется эксплицитно антонимами к лексеме «сила», образованными при помощи приставки *бес-* (*бессилие* и *беспомощность*). США репрезентируются как актор, вынужденный по причине своей беспомощности и слабости прибегать к грязным методам внешнеполитической борьбы:

Россией пугают во время американской предвыборной кампании с чётко поставленными определёнными целями. К сожалению, это показатель абсолютного бессилия, беспомощности, а может быть, даже туника новых электоральных идей. (Захарова, 07.09.2017).

Процессу инференции подлежат компоненты потеря лидерства и отсутствие экономического потенциала, которые реализуются при помощи лексики с семантикой неудачи, незначительности, отрицательных конструкций, метафор. Нередко глава

российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавров характеризует политического оппонента, обозначенного номинацией Запад, как актора ослабевающего, теряющего свое лидерство. Семантический компонент **потеря лидерства** в следующем примере не получает прямой номинации, а конструируется посредством метафоры *снижение веса*, обозначающей уменьшение, ослабление, перед указанием на силу (*баланс сил*). Сила и слабость образуют пару взаимосвязанных семантических компонентов, а указание на снижение силы предполагает слабость:

Сказалось и желание западных элит показать, что отмечавшаяся весь последний период тенденция снижения относительного веса Запада в глобальном балансе сил не является необратимой. (Лавров, 04.06.2014)

К группе оценочных компонентов относятся нечестность, несправедливость, отсутствие созидания, реализуемые благодаря использованию лексики с семантикой отрицательной оценки, лексики с эмоционально-оценочными коннотациями.

В подразделе «**“Слабость” в репрезентациях России и других акторов в американском внешнеполитическом дискурсе**» выявлен компонент недостаточная твердость и устойчивость, принадлежащий к первой группе и вербализуемый при помощи лексики с семантикой неустойчивости, отрицательных конструкций. Вторая группа включает компоненты применение военной силы, отсутствие экономического потенциала, которые выражаются посредством лексики с семантикой уменьшения, глаголов в различных временных формах Present, прилагательных в форме превосходной степени, инфинитивных конструкций со значением цели. В следующем примере семантический компонент **отсутствие экономического потенциала** конструируется при помощи глаголов в различных временных формах Present (*dwindles, has fled, have been revised downward, is going backwards*), которые выражают как уже завершённые, так и продолжающиеся действия, характеризующие бедственное положение экономики актора. Инферентный вывод о тяжелом экономическом состоянии России возможен также благодаря использованию прилагательного low в превосходной степени (*the lowest*). Слабость РФ подчеркивается и необходимостью защиты актора, актуализируемой при помощи инфинитивных конструкций цели (*to defend the ruble*) в совокупности с причастным оборотом с семантикой разрушения (*eroding against external shocks*).

As investors' confidence dwindles, some \$70 billion in capital has fled the Russian financial system in the first quarter of 2014, more than all of last year. Growth estimates for 2014 have been revised downward by two to three percentage points. And this follows a year in which GDP growth was already the lowest since 2009. Meanwhile, the Russian Central Bank has had to spend more than \$20 billion to defend the ruble, eroding Russia's buffers against external shocks. (Kerry, 24.04.2014)

К третьей группе относится компонент нечестность, который актуализируется путем использования лексики с семантикой отрицательной оценки. В представленном примере этот компонент вербализуется эксплицитно при помощи лексемы *falsehoods* с отрицательными коннотациями:

The contrast really could not be clearer: determined Ukrainians demonstrating strength through unity and a Russian Government out of excuses, hiding its hand behind falsehoods, intimidation, and provocations. (Kerry, 04.03.2014)

Глава 3 **«Функции семантической оппозиции “сила vs слабость” во внешнеполитическом дискурсе»** посвящена установлению функционального потенциала оппозиции «сила vs слабость» и способам ее языковой реализации во внешнеполитических практиках. Показано, что исследуемая оппозиция обладает функциями ориентации во внешнеполитической реальности, интеграции и дифференциации политических акторов и легитимизации применения силы, которые вытекают из ключевых функций внешнеполитического дискурса – функции борьбы за власть на международной арене и функции защиты национальных интересов. Представленные функции выделены на основе классификации функций политического дискурса в работе Е.И. Шейгал⁴.

В разделе **«Функция ориентации во внешнеполитической реальности»** показано, что семантическая оппозиция «сила vs слабость» определяет конфигурацию политического пространства и отношения между акторами. В российском дискурсе формируется следующая картина межнациональных отношений: Россия конструируется как сильный политический актор, придерживающийся мирной позиции и обладающий способностью к кооперации для решения внешнеполитических вопросов. США представлены как сильное государство, однако его сила направлена на оказание давления на более слабых политических акторов, подчинение собственной воле, вмешательство в их внутренние дела. В американском дискурсе представлена иная, фактически – зеркальная, репрезентация внешнеполитической обстановки: в роли мощного политического актора, применяющего силу против более слабых акторов и нарушающего нормы международного права, выступает Россия. США же конструируются как сильный участник международного взаимодействия, способный оказать всестороннюю помощь нуждающимся в ней.

Семантическая оппозиция «сила vs слабость» является одним из основных способов конструирования внешнеполитической действительности, которая характеризуется с точки зрения распределения силы и возможностей разных акторов влиять на международный контекст. Конструируемые в дискурсе репрезентации создают ориентиры для текущих и дальнейших действий политических акторов. Спектр языковых средств, применяемых для создания внешнеполитической обстановки, включает лексику с отрицательными коннотациями, милитарную лексику с семантикой агрессивных действий, разрушения и беспорядка, лексику с положительными коннотациями, лексику с семантикой единения, успеха, прогресса, некоторые грамматические формы (н-р, сравнительную степень прилагательного), отдельные синтаксические средства (н-р, синтаксические повторы). В результате их применения политические акторы дискурсивно конструируют внешнеполитическую реальность, которая в наибольшей степени соответствует целям говорящих в данном политическом и ситуативном контексте.

⁴ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

В разделе «**Функция интеграции и дифференциации политических акторов**» показано, что для семантической оппозиции «сила vs слабость» также характерна функция интеграции и дифференциации политических акторов. Объединение политических акторов в группу и, как следствие, репрезентация их силы происходят путем использования различных языковых средств: лексем «сила/strength» и их производных, лексики с семантикой влияния, важности, единения, активных действий, лексических повторов (к примеру, *партнеры*), глаголов в форме настоящего времени в действительном залоге, глаголов в перфектной форме, притяжательных местоимений 1 лица мн. числа, прилагательных в форме сравнительной степени, фразеологизмов. Конструирование других политических акторов вне данной группы, и соответственно, репрезентация их слабости происходит благодаря использованию приема антитезы, а также лексических единиц со значением отделения, обособления.

В российском внешнеполитическом дискурсе отмечены и такие контексты, в которых конструируется ослабление одной группы и усиление другой:

Признательны нашим друзьям за содействие в налаживании взаимодействия между Россией, странами Латинской Америки и их объединениями. Имею в виду, прежде всего, развитие нашего партнерства с новым объединением региона – СЕЛАК, а также наше сотрудничество с ЦАИС. Сегодня уже ясно, что односторонний миропорядок канул в прошлое, формируется полицентричная система мироустройства, и Россия заинтересована в том, чтобы Латинская Америка стала одной из мощных опор этой новой международной системы. (Лавров, 29.04.2014)

Объединение России с другими политическими акторами в группу, предопределяющее ее силу, выражается в представленном примере посредством лексики с семантикой единения (*содействие, взаимодействие, объединения, партнерство, сотрудничество*), а также притяжательного местоимения 1 лица мн. числа (*наше*). Сила группы во главе с Россией реализуется также эксплицитно при помощи прилагательного *мощные*. Выделена также лексема *полицентричная*, которая рассматривается как имплицитное указание на изменения в распределении сил среди политических акторов – усиление одних и ослабление других. Последнее выражается в примере и при помощи фразеологизма *канул в прошлое*. Его использование в форме прошедшего времени подчеркивает уже заверченный характер данного процесса, благодаря чему член оппозиции «слабость» становится более эксплицитным. Подобные контексты конструируют оппозицию, приписывая силу России и её союзникам, а слабость – западным государствам во главе с США.

В разделе «**Функция легитимизации применения силы**» отмечается, что с целью получить оправдание и одобрение осуществляемой деятельности, направленной на использование силы в отношении другого государства, официальные представители внешнеполитических ведомств создают репрезентацию своих действий посредством разнообразных лексических и грамматических средств языка. Приведем пример:

Our interest is for a stable, peaceful, democratic Venezuela that respects the interests of its people. And so our hope is that sanctions will not be necessary. Our hope is that we can move in the direction of reconciliation and a political path forward. But Congress clearly – the Congress of the United States is discussing those sanctions now. They have

already passed some legislation reflecting that attitude; they're moving it. And our hope is that the leaders, that President Maduro and others will make decisions that will make it unnecessary for them to be implemented. But all options remain on the table at this time, with the hopes that we can move the process forward. (Kerry, 21.05.2014)

В данном примере использование лексики с семантикой футуральности (*hope, hopes, forward*) способствует конструированию гипотетической позитивной картины. Оказание давления со стороны США репрезентируется при помощи продолженных форм глаголов (*is discussing, are moving*), которые конструируют действия в отношении Венесуэлы, разрабатываемые Конгрессом США в настоящий момент. Речь идет о возможности оказания санкционного давления на государство, отказывающегося выполнять требования американцев по урегулированию внутрисполитического кризиса. Более того, глагол в перфектной форме (*have passed*) выражает уже принятый законопроект о введении санкций в отношении Венесуэлы. Данные языковые средства наглядно иллюстрируют, что на фоне сильных США Венесуэла находится в позиции более слабого политического актора. При этом благодаря использованию лексических единиц с семантикой футуральности и лексических единиц с положительными коннотациями (*stable, peaceful, democratic, respect, reconciliation*) политика США, направленная на применение силы в виде санкций, представляется легитимной, поскольку ее целью является обеспечение стабильности и мира, продвижение демократии и процветание экономики в другом государстве.

Среди других средств языка, применяемых с целью легитимизации применения силы в отношении другого государства, можно выделить милитарную лексику, лексику с семантикой единения, лексику с положительными коннотациями, фразеологизмы, каузативные глаголы, отрицательные формы глаголов, модальные глаголы, придаточные цели, придаточные условия, синтаксические повторы.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, которое показало, что отношения оппозиции характеризуют не только языковую систему, но и структуру дискурса. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» представляет собой явление нестабильное, непостоянное, подверженное изменениям под влиянием внешнеполитического прагматического контекста. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неоднозначном и сложном характере исследуемой оппозиции и всего внешнеполитического дискурса в целом. В результате исследования подтверждена выдвинутая ранее гипотеза о базовом характере семантической оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе, о значительной функциональной ценности оппозиции и неравноценности её членов, проявляющейся при дискурсивном конструировании отношений между субъектами внешнеполитических отношений.

Кроме того, в заключении обосновывается практическая ценность работы и намечаются перспективы исследования, которые предполагают дальнейший анализ речевого материала с целью уточнения типологии языковых средств, реализующих компоненты членов оппозиции «сила» и «слабость», и конкретизации функционального потенциала рассматриваемой семантической оппозиции. Кроме того, перспективным направлением работы представляется применение корпусного

анализа, который позволит выявить частотность использования отдельных языковых средств актуализации семантических компонентов членов оппозиции.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Главы в коллективных монографиях

1. Дубровская Т. В., Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.), Кожемякин Е. А. Концептуализация межнациональных отношений во внешнеполитическом дискурсе / Т. В. Дубровская, Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина), Е. А. Кожемякин // Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: коллективная монография / под общ. ред. Т. В. Дубровской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – С. 29 – 98.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

2. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.), Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина), Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2015. – №3(53). – С. 182 – 191.

3. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Специфика внешнеполитического дискурса / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина) // Филология и культура. – 2015. – №4(42). – С. 185 – 191.

4. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Репрезентации России и США в российском внешнеполитическом дискурсе (на основе оппозиции «сила vs слабость») / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина) // Филология и культура. – 2016. – №4(46). – С. 87 – 95.

5. Дубровская Т. В., Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Семантическая категория "слабость" в российском и американском внешнеполитическом дискурсе: функциональный аспект / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина), Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. – 2017. – №6(66). – С. 70 – 75.

Публикации в других изданиях

6. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.), Дубровская Т. В. Природа семантической и концептуальной оппозиции / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина), Т. В. Дубровская // Педагогический институт им. В. Г. Белинского: традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию Педагогического института им. В. Г. Белинского. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2015. – С. 307 – 310.

7. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Языковые средства выражения концептов «сила» и «слабость» во внешнеполитическом дискурсе / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина) // Язык. Право. Общество. Мат-лы III Международной научно-практич.

конференции / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Н. А. Павловой. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2015. – С. 199 – 202.

8. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.), Дубровская Т. В. Корпус российского внешнеполитического дискурса в жанровом аспекте (на материале выступлений министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова) / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина), Т. В. Дубровская // Научный диалог. – 2015. – №6 (42). – С. 121 – 139.

9. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Роль коммуникантов во внешнеполитическом дискурсе / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина) // Молодежь и наука: слово, текст, личность: Материалы III Международной молодежной молодёжной научно-практической конференции. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова, 2016. – С. 162 – 165.

10. Ярославцева Я. А. (Блохина Я. А.) Репрезентация социальных акторов во внешнеполитическом дискурсе / Я. А. Ярославцева (Я. А. Блохина) // Язык. Право. Общество: сб.ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 11-13 октября 2016) / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, А. К. Дятловой, Н. А. Павловой. – 2016. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета. – С. 310 – 313.

11. Ярославцева Я.А. (Блохина Я.А.) Функциональная ценность оппозиции «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе / Я.А. Ярославцева (Я.А. Блохина) // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки» (г. Екатеринбург, 15 декабря 2016 г.): В 8 ч. Ч.6. Уфа: Аэтерна, 2016. – С. 204 – 208.

12. Блохина Я.А. Семантическая категория «сила» в американском внешнеполитическом дискурсе (на примере репрезентаций России и США) / Я.А. Блохина // Сборник научных статей Международной научной конференции XV ВИНОВАДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (г.Москва, 3-5 марта 2018 г.): В 3 т. Т. 3: Зарубежная филология. Философия. Междисциплинарные гуманитарные проблемы / Отв. ред. И. Н. Райкова. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – С.12 – 21.